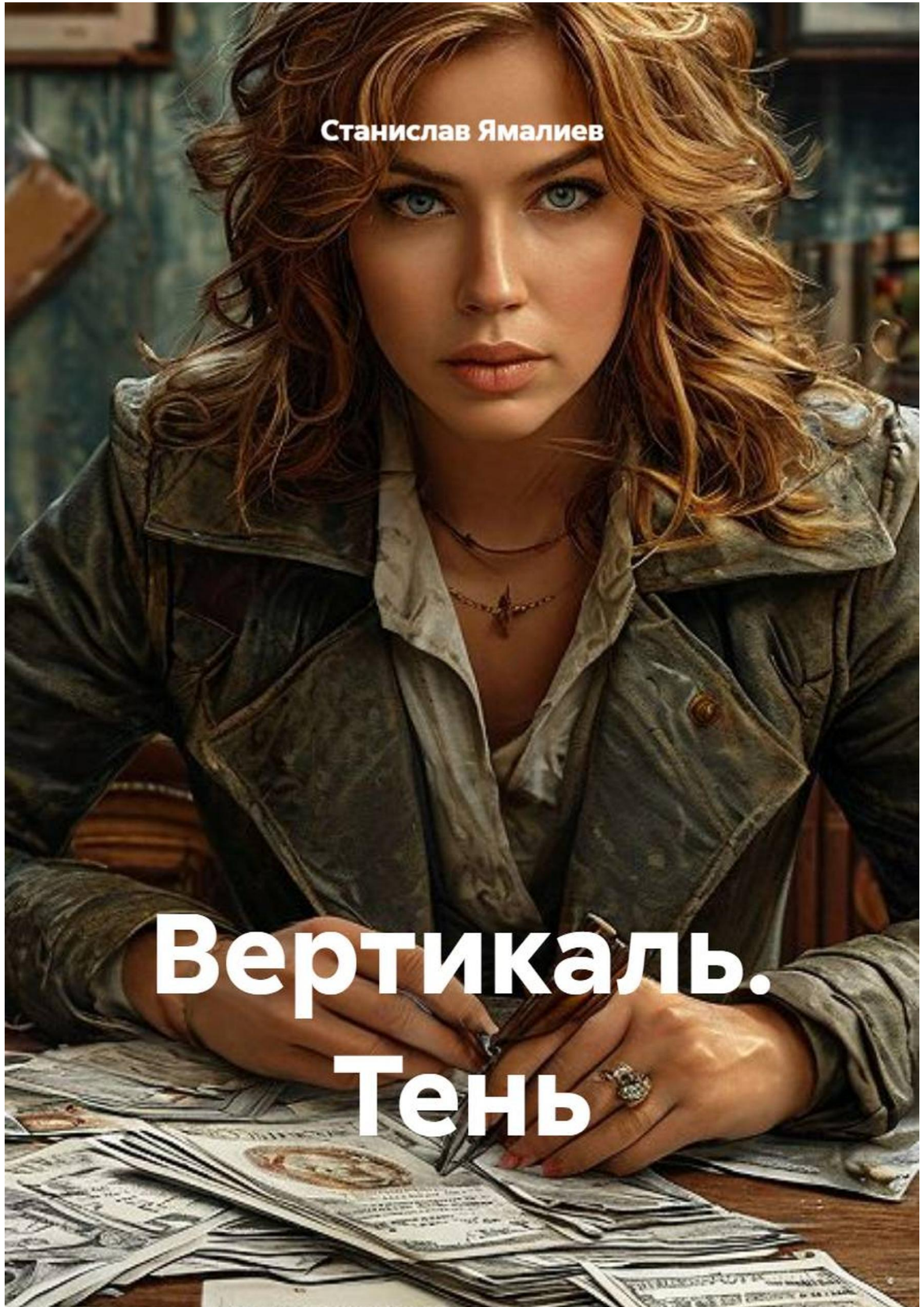

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Тень

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Тень

«Автор»

2026

Ямалиев С.

Вертикаль. Тень / С. Ямалиев — «Автор», 2026

В огромной Вертикали беспокойно. Анка — агент особых поручений. Её первое дело начинается с ошибки в бухгалтерии. Фальшивые Марки текут через границу. Подпольные казино, контрабандисты, мёртвые почтовые ящики. Кто-то хочет разрушить Вертикаль изнутри — не пушками, а экономикой. Кто-то играет на бирже против Вертикали. Инфляция, паника, бунт. Враг не оставляет следов — только запах старой бумаги, табака и лекарств. Анка идёт по этому запаху. Теперь она узнает, кто подделал эти цифры. В мире, где Марка обеспечена тритием, а доверие — кровью, правда стоит дороже всего. И однажды за ней приходит агент. «Тень» — третья книга фантастического дизельпанк цикла «Вертикаль». Дизельпанк, , экономический детектив. История о том, как трудно остаться человеком, когда ты — часть системы.

© Ямалиев С., 2026

© Автор, 2026

Станислав Ямалиев

Вертикаль. Тень

ГЛАВА 1

Биржа «Горизонт» просыпалась раньше верхних уровней.

На пятом ещё только начинали вымешивать тесто в пекарнях. На четвёртом — развешивать товар по лавкам. А здесь, на третьем, воздух уже гудел. Гул стоял низкий, вибрирующий — будто сама башня набирала обороты. Под потолком, в ртутном свете, плыли слои дыма: трейдеры курили самокрутки одну за другой, и дым не успевал уходить в фильтры. Он висел плотной пеленой, и свет пробивался сквозь него полосами — косыми, рваными, как в Запретке перед кислотным дождём.

Анка зашла в зал

Она остановилась на верхней галерее — узком балконе, опоясывающем бывший распределительный зал. Положила руки на ржавые перила. Металл был холодным и шершавым — вьевшаяся окалина царапала ладони. Анка не отдёргнула рук. Холод отрезвлял. Она провела пальцами по сварному шву — грубый, с наплывами, с каплей застывшего металла. Кто-то варил эти перила второпях, может быть, сразу после Падения Архитектора, когда биржу только обу-страивали и всё делали на живую нитку.

Внизу бурлила «Масляная яма».

Круглая арена, вырезанная прямо в полу, напоминала кратер. По краям, на грубо сколоченных скамьях, сидели маклеры. Они кричали, размахивали руками, сжимали в кулаках мятые пластинки с котировками. В центре, у грифельной доски, стоял Регистратор Глеб — бывший Вершинник в стальном монокле. Он записывал ставки мелом, и мел скрипел — звук прорезал гул, как игла прорезает ткань. Коротко. Больно. Навылет.

— Нефть! Нефть, сто баррелей! Покупаю по тридцать две!

— Продано!

— Медь! Пять тонн, по сорок семь! Кто даст сорок семь?

— Сорок шесть с половиной!

— Сорок шесть и три четверти!

Анка слушала. Не крики — ритм. В биржевом шуме был свой порядок, своя музыка. Она училась слышать её последние полгода — с тех пор, как Грыз впервые привёл её сюда. «Смотри, — сказал он тогда, положив сухую ладонь на её плечо. — Это сердце Вертикали. Если сердце бьётся неровно — где-то болезнь». Он стоял рядом, сгорбленный, в своём неизменном сером кителе, и показывал на маклеров длинным жёлтым пальцем. «Видишь того, в синем? Он покупает. Того, в сером? Он продаёт. Между ними — спред. Спред — это страх. Если спред растёт — рынок боится. Если рынок боится — мы должны понять, чего именно». Анка тогда не поняла. Теперь — училась.

Она смотрела не на тех, кто кричал. Крикливые работали на публику. Она смотрела на молчаливых. Молчаливый трейдер опаснее крикливого. Криков боится толпа. Молчания боится рынок.

Клещ стоял у дальней стены — вжался плечами в ржавую балку, будто хотел врасти в неё. Пальцы его нервно перебирали край засаленной жилетки. Анка заметила татуировку на запястье — старую, выцветшую: не то бык, не то медведь, уже не разобрать. Она никогда не спрашивала. Увидел её. Дёрнулся. Отвёл взгляд.

Боится. Сильнее обычного.

— Жди здесь, — бросила Анка через плечо.

Искра кивнул и остался у входа — бесформенная тень в плаще. Но прежде чем замереть, он повёл носом. Ноздри расширились, мембраны на глазах дрогнули — он пробовал воздух на вкус.

— Здесь пахнет... жадностью, — тихо сказал он. — И страхом. Много страха. Кислый. Как пот.

— Это биржа.

— Я помню. Я был здесь один раз. С Артёмом. Тогда пахло иначе. Меньше страха. Больше надежды.

— Времена меняются.

— Запахи тоже.

Анка спустилась по лестнице. Ступени гудели под ногами — металл, приваренный к металлу, без амортизации. Каждый шаг отдавался в позвоночнике. Она прошла сквозь толпу маклеров, не задев ни одного плечом. Толпа расступалась перед ней не из уважения — из инстинкта. Так вода расступается перед ножом.

Запахи биржи били в нос: кислый табак, мазут с пола, пот, ржавчина, горячий металл. И ещё что-то — едва уловимое, на самой границе восприятия. Страх. Страх пах кислым железом, и сегодня он висел в воздухе гуще обычного.

Клещ ждал в своём углу. От него пахло тем же страхом, но с примесью дешёвого пойла — он пил с утра, чтобы унять дрожь. Анка видела, как подрагивает жилетка на его плечах.

— Агент, — выдохнул он. — Вы пришли.

— Говори.

— Здесь нельзя. Слишком много ушей. — Он нервно оглянулся, и кадык его дёрнулся — острый, как у подростка. Рука теребила манжету. Анка заметила шрам на большом пальце — старый, заглубивший, серпом через всю подушечку. — Там. За «Железным рядом». Через десять минут.

Он юркнул в толпу и исчез прежде, чем Анка успела ответить.

Она не стала ждать десять минут. Она обошла «Яму» по периметру. По пути отмечала детали — не сознательно, автоматически, как учил Грыз. Трейдер в зелёной жилетке слишком громко смеётся — играет на публику, значит, у него плохие новости. Маклер у «Тритиевой доски» не смотрит на котировки — смотрит на Клеща. Значит, следит. Анка запомнила его лицо: скошенный подбородок, прикушенная губа, нервное.

Она миновала «Тритиевую доску» — балкон с газоразрядными лампами, где механические рычаги выбивали котировки на металлических пластинках. Пластинки падали в стеклянные колбы с глухим стуком — динь-динь, динь-динь. Этот звук она слышала даже сквозь гул. Ритм. Музыка. Деньги.

«Железный ряд» находился за «Ямой» — длинный прилавок, уставленный весами и колбами для кислотных проб. Здесь пахло иначе: не мазутом, а ржавчиной и кислотой. Едкий запах щипал ноздри. Грудами лежали слитки меди, никеля, стали — холодные, маслянистые на ощупь. Анка провела пальцем по медной болванке. Металл был гладким и чуть скользким, как мёртвая рыба. Сделки здесь заключали молча — удар молотка по наковальне заменял подпись.

Клещ ждал за грудой медных болванок. Он дрожал. Анка видела бисерины пота на его лбу — капли дрожали в такт пульсу. Под глазами — серые мешки. Он не спал несколько дней. Татуировка на запястье дёргалась вместе с жилкой.

— Говори, — повторила она.

— Вы должны понять. Если кто-то узнает, что я вам рассказал... — Он осёкся и облизал губы. Язык был сухой, серый, с белым налётом. Пил, но не ел.

— Не узнает.

Она произнесла это ровно, без угрозы, без обещания — просто как факт. Именно поэтому Клещ поверил.

— Подставные счета, — выпалил он. — Четыре штуки. Все открыты в «Ковчеге» за последние три месяца. Через них проходят деньги. Большие деньги.

— Сколько?

— Четыреста тысяч Марок. Может, больше. — Он перешёл на шёпот, хотя в «Железном ряду» их никто не мог услышать. — Я отследил не всё. Но я видел паттерн. Кто-то выводит деньги. Маленькими траншами. По десять, пятнадцать тысяч. Раз в неделю, по средам. Если сложить за три месяца — четыреста.

Четыреста тысяч. Анка молчала. Эта цифра означала годовой бюджет Цеха Пищи. Три экспедиции «Горизонта». Десять танков «Молот», если считать по себестоимости. Она представила Лену, которая бьётся над погоном башни. Представила Блинова, который рисует графики. Четыреста тысяч — это их время, их силы, их жизни, пущенные под откос.

— Кто получатель?

— Не знаю. — Клещ вскинул руки, будто защищаясь от удара. — Честное слово! Деньги уходят через цепочку. Пять, шесть перебросок. Я потерял след на третьей. Но я знаю, откуда они уходят.

— Откуда?

Он снова облизал губы.

— Счета Цеха Воды.

Анка не изменилась в лице. Ни один мускул не дрогнул. Но внутри у неё — она знала это — что-то щёлкнуло. Так щёлкает спусковой механизм перед выстрелом.

— Доказательства.

— У меня нет доступа к счетам. — Клещ развёл руками. — Я всего лишь маклер. Жалкий, мелкий маклер. Но я видел паттерн. Я знаю, как это выглядит. И я пришёл к вам.

— Почему ко мне?

Клещ замер. Пот выступил на висках и пополз вниз, оставляя дорожки на серой коже. Анка заметила, что у него дрожит не только голос — дрожат пальцы, дрожит жилетка, дрожит воздух вокруг него.

— Потому что... — Он запнулся. — Вы — чешуйка. Вы из низов. Вы не побрезгуете.

Анка смотрела на него. Вот оно. Не статус агента особых поручений привёл его к ней. Не жетон Хранителя. Слухи. Те самые слухи, которые шептались в бараках и очередях: «Чешуйка своих не сдаёт. Чешуйка выслушает». Слухи, которые она не контролировала и не могла остановить. Которые уже начинали работать на неё — или против неё.

— Ты поэтому пришёл? Потому что я «не побрезгую»?

— И поэтому тоже. — Клещ переминался с ноги на ногу. — Но главное — я боюсь. Если кто-то узнает, что я видел эти счета... Меня убьют. Вы же из СБВ. Вы защитите.

— Защита — не бесплатно.

— Что вы хотите?

— Доступ к твоим записям. Всем. За последние полгода.

Клещ побледнел так, что стали видны вены на висках — голубые, тонкие, бьющиеся в такт сердцу. Его записи были его единственным капиталом — потрёпанная тетрадь в кожаной обложке, куда он заносил все сделки, все слухи, все наблюдения. Он не доверял банку. Он доверял только бумаге.

— Это... это всё, что у меня есть.

— Значит, тебе есть что терять. — Анка наклонилась ближе. От неё пахло металлом и кожей — запах, который не спутать ни с чем. — Ты отдашь мне записи. Я найду получателя. Ты останешься жив. Это сделка.

Клещ сглотнул. Кадык дёрнулся — острый, беззащитный.

— А если вы не найдёте?

— Найду.

Она не сказала «постараюсь». Не сказала «обещаю». Она сказала «найду» — и это прозвучало как приговор. И как обещание. Одновременно.

Клещ полез за пазуху и вытащил тетрадь. Потрёпанную, в масляных пятнах, с загнутыми уголками. Протянул Анке. Рука дрожала.

— Держите. И... агент.

— Что?

— Там, в записях. Есть ещё кое-что. Я не уверен, но... Мне кажется, кто-то играет против «Молота». Кто-то знает то, чего не знает рынок. Это не просто хищение. Это саботаж.

Анка взяла тетрадь. Кожаная обложка была тёплой от рук Клеща — он, наверное, не выпускал её из пальцев всё утро. Анка провела ладонью по потёртому корешку. Бумага внутри была тонкой, почти прозрачной — такую делали из грибной массы на минус шестом. Хрупкая. Как и её обладатель.

— Иди. Если понадобишься — я тебя найду.

— Я... — Клещ замаялся. — Если я увижу вас где-то... в другом виде... я вас не знаю. Правильно?

— Правильно.

Он кивнул и исчез за грудой меди. Только каблуки простучали по ржавому полу и стихли.

Анка осталась одна в «Железном ряду». В дальнем конце прилавка молоток ударил по наковальне — сделка. Звук разнёсся под сводами, ударился о стены и затих, будто его не было.

Она открыла тетрадь. Страницы были исписаны мелким, нервным почерком. Цифры, даты, суммы, номера счетов. Она не читала — сканировала. Глаза выхватывали ключевые паттерны так же, как раньше выхватывали силуэты в тумане Запретки. Десять тысяч. Пятнадцать. Двенадцать. Восемь. Снова десять. Раз в неделю, по средам. Отправитель — один и тот же. Получатель — каждый раз разный. Цепочка.

Клещ был прав. Деньги уходили через Цех Воды. Кто-то использовал счета Оператора как ширму.

Она закрыла тетрадь и сунула за пазуху. Кожаная обложка всё ещё хранила тепло чужих рук — и Анка на секунду задержала на ней ладонь.

Завтра она пойдёт в банк. Потом — доложит Совету. Потом — начнёт внедрение. А сегодня — вечером — она откроет книгу «Криминалистика» и будет читать главу про допрос свидетелей. Потому что Клещ — первый свидетель. А будут ещё. Много.

Она подумала о Лёхе. Он вчера заходил — громкий, весёлый, с неизменной шуткой: «Ну чё, Чешуйка, опять в бумажках копаешься? Пошли лучше в „Кислотник“, там сегодня плевуна жареного дают». Она отказалась. Лёха обиделся притворно — он всегда обижался притворно, — но уходя, сказал уже серьёзно: «Ты если что — зови. Я не в бумажках, я в деле помогу». Она кивнула. Он хлопнул дверью.

Живой. Здоровый. Готовый помочь.

Она вышла из «Железного ряда». Гул «Масляной ямы» ударил в уши с новой силой. Крики, скрип мела, удары молотка. Запах мазута и пота. И страх — всё ещё висел в воздухе, кислый, металлический, неразвешанный.

Искра ждал у входа. Он не двигался — только ноздри чуть расширились, когда она подошла.

— Говорил?

— Говорил.

— Не врал?

— Не врал. Но не всё сказал.

— Что скрыл?

— Не знаю пока. Но узнаю.

Искра кивнул. Он никогда не спрашивал «как». Он знал: она узнает.

- Куда теперь?
- В банк. Нужны подтверждения.
- Брик не даст. Без санкции.
- А я не спрашивать буду.

Она коснулась потайного кармана на поясе. Там, под слоем ткани, лежал жетон. Агент особых поручений № 001. Личная подпись Хранителя. Доступ к любым тайнам Вертикали. Тяжёлый. Холодный. Настоящий.

Брик мог отказать агенту. Он не мог отказать жетону.

Она вышла в коридор. Шум биржи стихал за спиной, сменяясь ровным гулом вентиляции. Воздух становился холоднее. Пахло озоном — где-то на минусовых уровнях работали фильтры.

Коридор был забит. Пятьдесят тысяч человек жили в башне, и каждый третий, казалось, шёл куда-то прямо сейчас. Анка двигалась сквозь толпу — плечо, поворот, шаг в сторону. Люди не расступались перед ней здесь, на четвёртом. Здесь она была просто невысокой девушкой в тёмной куртке.

У пекарни «Тёплый хлеб» стояла очередь — человек двадцать. Женщина с младенцем, завернутым в обрывок одеяла. Старик с талоном, зажатым в скрюченных пальцах. Трое соискателей с серыми от усталости лицами — они стояли молча, не разговаривая, глядя в одну точку. Пахло свежим хлебом, и этот запах резал ноздри — слишком чистый, слишком тёплый для этого коридора.

У лифта висело объявление: «Требуется рабочее в Цех Логистики. СВ. Жильё. Пайка». Ниже кто-то приписал углём: «Жилья нет. Пайка — треть нормы. Не верьте». Ещё ниже — другое, на клочке обёрточной бумаги, кривыми буквами: «Меняю место в бараке на три дозы "Садовой"».

Анка запомнила это. Всё запоминала.

Она не знала женщину за прилавком пекарни. Не знала старика с талоном. Не знала соискателей. Но она знала: если не найдёт предателя — эти люди первыми потеряют всё. Не пайку. Жизнь.

Лифт пошёл вниз.

Впереди был Центральный Расчётный Банк «Ковчег». Уровень минус десять. Три метра стали. Три ключа.

И один упрямый Управляющий, который считал, что девчонка без опыта не имеет права лезть в его дела.

Она сунула руку в карман и нащупала четыре металла. Гайка. Гильза. Пластина. Жетон.

Отец сказал тогда, в последний раз: «Держи. Видишь клеймо? Эту гайку сделали там. В башне. Если доберёшься — отдашь. Скажешь: отец велел вернуть».

Она добралась. Она ничего не отдала.

Теперь она защищала эту башню.

Лифт остановился. Двери разошлись. Пахнуло холодом и озоном.

Минус десять.

Конец главы 1.

ГЛАВА 2

Лифт остановился. Двери разошлись с глухим стуком — здесь, на минус десятом, механизмы работали тяжелее, будто сама башня давила на них всей своей массой.

В лицо пахнуло холодом и озоном. И ещё — металлом. Не ржавым, как на верхних уровнях, а чистым, сухим, с примесью машинного масла. Так пахнет оружие перед выстрелом. Так пахнет порядок.

Анка вышла в коридор. Искра — за ней, на полшага сзади.

Коридор был пуст. Ни очередей, ни торговцев, ни соискателей, спящих у стен. Здесь не было толпы — только бетон, сталь и тишина. Стены толщиной в три метра отсекали всё: шум, тепло, жизнь. Центральный Расчётный Банк «Ковчег» не был местом для живых. Он был местом для цифр.

Коридор упирался в стальную дверь. Перед дверью стоял Тимур.

Он был похож на реакторную опору — такой же квадратный, несокрушимый, ввинченный в пол. Руки скрещены на груди. На предплечьях — татуировки коммуны Реактора: шестерня, молот, языки пламени. Глаза — маленькие, тёмные — смотрели на Анку без выражения.

— Стоять.

Анка остановилась.

— Предъявить допуск.

Она достала жетон. Тимур взял его, повернул к свету. Ртутная лампа над головой моргнула, и на мгновение гравировка вспыхнула: «Агент особых поручений № 001. Хранитель».

— Артём передаёт привет, — сказала Анка.

Тимур замер. Жетон всё ещё лежал в его ладони. Он поднял глаза — впервые посмотрел на Анку не как на объект проверки, а как на человека.

— Ты — та самая чешуйка?

— Я.

Он хмыкнул. Вернул жетон.

— Оружие.

Анка расстегнула кобуру на лодыжке. ПСМ вышел с тихим щелчком.

— Он говорил, ты не боишься.

— Он преувеличивает.

— Он никогда не преувеличивает. — Тимур проверил патронник, положил ПСМ в стальной ящик у стены. Крышка лязгнула. — Нож.

Она вытащила нож из рукава — рукоятью вперёд, лезвием к себе. Тимур принял его. Потом поднял глаза на Искру — и замер. Рука с ножом застыла в воздухе.

Искра откинул капюшон. Жёлтые глаза встретились с тёмными.

— Тимур, — сказал чешуйник.

— Искра. — Тимур медленно опустил нож на стол. — Живой.

— Живой.

Повисла пауза — секунда, не больше. Но в этой секунде было всё: туман Запретки, плевуны, рейд, из которого они вышли вместе, грязь, кровь, молчание у костра, когда не нужно было слов.

— Я думал, ты остался с кланом, — сказал Тимур.

— Клана больше нет. Теперь я с ней. — Искра кивнул на Анку.

Тимур перевёл взгляд на неё. Что-то изменилось в его лице — не улыбка, но тень уважения.

— Если он с тобой — значит, ты стоишь того. — Он отступил от двери. — Проходите. Управляющий ждёт.

Дверь открылась. Анка шагнула в операционный зал — и на секунду замерла. Искра вошёл следом и тоже остановился.

— Удачи, агент, — сказал Тимур за спиной. — Она тебе понадобится. Но ты справишься. Артём просто так не говорит. И Искра просто так не идёт.

Она не обернулась. Но запомнила.

Зал гудел. Но не так, как биржа. Там был хаос — крик, скрежет мела, удары молотка. Здесь гул был ровным, механическим, просчитанным. Он шёл отовсюду сразу: от арифмометров, от пневмопочты, от вентиляции, от самого здания, которое дышало цифрами.

Под потолком висели ртутные лампы — такие же, как наверху, но свет их казался холоднее, с синеватым отливом. Вдоль стен, как строй солдат, стояли арифмометры «Разряд-5»: массивные, с зубчатыми передачами, с клавишами из реакторной стали. Операторы в кожаных фартуках вбивали цифры и крутили рукоятки. Шестерни щёлкали в такт — сотни маленьких металлических зубов, сцепленных в единый механизм. Пластиковые ленты ползли из щелей, испещрённые колонками чисел.

Пахло типографской краской, машинным маслом и горячим пластиком — тем самым композитом «Архитекториум», из которого печатали Марки. Запах был слабый, но узнаваемый: химия, переработанные отходы, что-то отдалённо напоминающее горелую изоляцию.

Анка чувствовала вибрацию пола. Где-то внизу, под бетоном, работали машины — может быть, пресс для печати Марок, может быть, генераторы. Пол гудел, и вибрация поднималась через подошвы сапог, через кости, к зубам.

— Я здесь не был, — тихо сказал Искра.

Анка обернулась. Чешуйник стоял у двери, прижавшись спиной к стене. Ноздри его расширились — он втягивал воздух, пробовал его на вкус. Мембраны на глазах чуть подрагивали.

— Ты как?

— Железо. Много железа. Оно пахнет. — Он помолчал. — И пластик. Много пластика. Свежий, горячий. И старый, холодный. Они все пахнут по-разному.

— Ты различаешь?

— Да. Настоящие Марки пахнут... ровно. А фальшивка — она пахнет иначе. Чужая. Как зверь из другого клана.

Анка кивнула.

— Жди здесь. Слушай. Запоминай запахи.

— Я уже запоминаю.

Она оставила его у стены и пошла через зал. Анфиса Петровна сидела за длинным прилавком, отделявшим посетителей от операционного зала. Маленькая, сухонькая, с пучком седых волос на затылке. Пальцы её, скрюченные артритом, двигались с невероятной скоростью — она пересчитывала пачку Марок, и пластиковые купюры мелькали, как крылья птицы.

— Опять края загнули, — проворчала она, не поднимая головы. — Разглядить надо! Марка любит порядок!

— Я не за обменом, — сказала Анка.

Анфиса Петровна подняла глаза. Острые, как у птицы, они ощупали Анку с ног до головы.

— Агент особых поручений, — произнесла она. — Новенькая. Слышала.

— Что слышали?

— Что Хранитель дал жетон. Что ты из низов. Что не боишься. — Она хмыкнула. — Все не боятся, пока не встретят то, чего стоит бояться. Управляющий у себя. Иди. Он ждёт.

Анка прошла мимо прилавка. Через каждые несколько шагов она замечала детали: царапину на полу, потёртую клавишу арифмометра, каплю масла на бетоне. Мир здесь был старым, обжитым, но не грязным. Он был ухоженным, как оружие.

Кабинет Управляющего находился в дальнем конце зала, за стеклянной перегородкой. Стекло было толстым, армированным — такое не пробьёт и автоматная пуля.

Гавриил Рувимович Брик сидел за столом. Стол был стальной, как и всё в этом кабинете. Но сейчас Брик не сидел — он стоял у стола, склонившись над арифмометром. Машина была разобрана: кожух снят, зубчатые передачи обнажены. Брик держал в руке маслёнку и мето-

дично смазывал шестерни. Движения его были точными, ритмичными — он не торопился, но и не медлил. Каждое нажатие маслѐнки — капля на зуб. Капля — поворот. Капля — снова.

— Агент, — произнёс он, не поднимая головы. — Проходите. Садитесь.

Анка села. Стул был жѐстким, без спинки. Она провела пальцами по холодному металлу сиденья — реакторная сталь, такая же, как на корпусе «Караванов». Ни царапины. Ни следа ржавчины.

Она смотрела, как Брик работает. Маслѐнка — капля. Шестерня — поворот. Палец проверяет зазор. Маслѐнка — снова.

— Давно не смазывали, — сказал он, не столько ей, сколько себе. — Третий арифмометр за месяц. Операторы гонят цифры, не смотрят на машины. А машина любит уход.

— Как и банк, — сказала Анка.

Брик поднял глаза. Впервые за разговор он посмотрел на неё прямо. Светло-голубые, почти бесцветные глаза — как выцветшая бумага.

— Как и банк, — повторил он. — Вы быстро схватываете.

Он отложил маслѐнку, вытер руки ветошью и сел за стол. Взял стакан с остывшим чаем. Отпил. Поморщился — холодный.

— Я слышал, Хранитель вручил вам жетон. Я также слышал, что это ваше первое дело.

— Первое.

— У вас есть опыт финансовых расследований?

— Я умею считать.

— Считать — мало. Нужно понимать, что за цифрами.

— Я понимаю.

Брик смотрел на неё. Глаза не мигали. Анка выдержала взгляд. Она чувствовала холод стали через ткань куртки — жетон давил на бедро.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я дам вам доступ. Не потому, что верю в ваш опыт. Я дам его, потому что Хранитель просил. И потому что кто-то должен найти дыру.

Он открыл ящик стола и достал папку.

— Здесь выписки по счетам Цеха Воды за последние полгода. Все транзакции. Все получатели. Все суммы.

Анка взяла папку. Картон был шершавым, с вьёвшимся запахом старых бумаг. Она не открыла — положила перед собой.

— Вы знали, — сказала она.

Это был не вопрос.

Брик помолчал. Его пальцы легли на край стола — длинные, с аккуратно подстриженными ногтями. Он посмотрел на разобранный арифмометр, будто раздумывая, не вернуться ли к смазке.

— Знал, — произнёс он. — Я видел аномалии. Транзакции, которые не имели экономического смысла. Деньги уходили через счета Воды на подставные счета. Маленькими траншами. Раз в неделю.

— Почему не доложили Совету?

— Потому что у меня не было доказательств. А без доказательств это не хищение. Это рыночная операция. — Брик поправил слуховой аппарат. Сталь блеснула под ртутной лампой. — Банк не ведёт расследования. Банк ведёт баланс. Если баланс сходится — у меня нет оснований для доклада.

Анка поднялась. Подошла к стеклянной перегородке. За ней, в операционном зале, гудели арифмометры. Искра стоял у стены, провожая глазами каждого оператора. Она видела, как вздрагивают мембраны на его глазах.

— Баланс не сходится, когда фальшивые деньги раздувают денежную массу.

Брик замер. Маслѐнка в его руке дрогнула — капля масла упала на стол.

— Откуда вы знаете о фальшивках?

Анка повернулась.

— Не знаю. Предполагаю. — Она смотрела ему в глаза. — Если кто-то выводит деньги через подставные счета и одновременно завозит фальшивые Марки — это не хищение. Это диверсия. Кто-то хочет перегреть экономику. Вызвать инфляцию. Подорвать доверие к Марке.

Брик молчал.

— Вы знали и об этом, — сказала Анка.

Он выдохнул. Медленно, как будто выпускал воздух из переполненного резервуара.

— Да. Я знал.

Он открыл другой ящик и достал купюру. Положил на стол. Сто Марок. Чёрная с золотым тиснением. «Архитекторка».

— Посмотрите внимательно.

Анка вернулась к столу. Взяла купюру. Пластик был чуть толще настоящего — грубее, без характерного матового блеска «Архитекториума». Она провела пальцем по краю — микроцарапины. Настоящая Марка таких не оставляла. Она сжала купюру в ладони — пластик не ответил теплом. Металлическая сетка, главная защита, не синела.

— Смотрите на сетку, — сказал Брик.

Она повернула купюру к свету. Сетка оставалась тусклой, мёртвой. Водяной знак — размытый, грубый. Перфорация номинала — неровная, с заусенцами.

— Фальшивка, — сказала она.

— Грубая, — подтвердил Брик. — Но их уже сотни. Мы изымаем, но не успеваем.

— Откуда они?

— Вот это — правильный вопрос. — Брик побарабанил пальцами по столу. Анка заметила, что на безымянном пальце у него нет перстня — только след от него, более светлая полоска кожи. — В Первой Вертикали только один станок. Он стоит в Зале Совета, под контролем Хранителя. Алексей лично запускает эмиссию раз в квартал. Никто не может напечатать Марки в обход него.

— Значит, их напечатали не здесь.

— Именно. В других Вертикалях тоже были станки. Архитектор ставил их в каждой башне — стандартное оборудование. После Падения часть башен лежит в руинах. Но некоторые — нет. Некоторые восстановлены. И у них есть станки. — Он помолчал. — У них нет только ноу-хау. Состав «Архитекториума», давление пресса, режим термообработки сетки — это знает только Алексей. Поэтому их Марки грубее. Но для нижних уровней — сойдёт.

Анка вертела купюру в пальцах. Пластик пах иначе — не слабым химическим запахом настоящей Марки, а чем-то чужим. Другой состав. Другие отходы. Другая башня.

— Этот запах, — сказала она. — Я запомню его.

— Запомните. Потому что тот, кто завозит фальшивки, работает с внешней Вертикалью. А это значит...

— ...что диверсия спланирована не здесь, — закончила Анка. — Здесь только исполнители. Кукловод — снаружи.

Брик кивнул.

— Вы быстро учитесь.

— Я не учусь. Я считаю.

Она положила фальшивку на стол. Провела пальцами по холодной стали столешницы. Где-то внизу, под бетоном, продолжали работать машины — она чувствовала вибрацию сквозь подошвы сапог.

— Вы дадите мне доступ к счетам?

— Уже дал. — Брик кивнул на папку. — Этого достаточно, чтобы начать. Если понадобится больше — нужна санкция Совета.

— Понадобится.

— Тогда получите санкцию. — Он помедлил, взял маслёнку, отставил в сторону. — И, агент.

— Что?

— Будьте осторожны. Тот, кто это делает, умён. Он использует систему против системы. Он не оставляет следов. Вернее, оставляет — но только те, которые хочет оставить. Вы идёте по следу, который вам подбросили.

Анка вспомнила слова Клеца. «Кто-то играет против "Молота". Кто-то знает то, чего не знает рынок».

— Я учту, — сказала она.

— Не учтёте. Вы молоды. Молодые не учитывают. Молодые учатся на ошибках.

— Я не делаю ошибок.

— Делаете. Просто пока не знаете об этом.

Она не стала спорить. Спор с Бриком был бессмыслен — он видел баланс там, где она видела живых людей. Каждый был прав по-своему.

Она взяла папку. Сунула фальшивку в карман. Пластик холодил пальцы даже через ткань.

— Спасибо за чай, — сказала она.

— Чай был холодный.

— Я знаю.

Она вышла из кабинета.

В операционном зале Анфиса Петровна всё ещё считала Марки. Пальцы мелькали. Пластиковые купюры ложились в стопки — синие к синим, зелёные к зелёным, красные к красным. Порядок.

— Нашла, что искала? — спросила она, не поднимая головы.

— Нашла, чего не искала.

— Это всегда так. Марка не врёт. Если пластик зелёный — это пять. Если синий — один. Всё остальное — болтовня.

Анка подошла к Искре. Чешуйник стоял у стены, но теперь он был не один. Рядом с ним, на почтительном расстоянии, замер молодой оператор в кожаном фартуке. Он смотрел на Искру с ужасом и любопытством одновременно — так смотрят на плевуна, которого притащили в клетке.

— Что здесь было? — спросила Анка.

— Он спросил, зачем я здесь. Я сказал — нюхаю. Он не поверил.

— Он тебя боится?

— Да. Но не убежал. Это уже хорошо.

Анка чуть заметно улыбнулась.

— Пошли. У нас много работы.

— Я запомнил запахи, — сказал Искра, когда они подошли к выходу. — Настоящие Марки пахнут... домом. Фальшивки — чужаком. И ещё — от Брика пахнет честностью. Сухой. Как старая сталь. Без ржавчины.

— А от Анфисы?

— От неё пахнет временем. Много лет. Много цифр.

Тимур вернул оружие молча. ПСМ — в кобуру. Нож — в рукав. Анка проверила патронник привычным движением. Патрон был на месте. Предохранитель — на месте. Жетон — в потайном кармане.

— Удачи, агент, — сказал Тимур. — Но ты справишься. Артём просто так не говорит. И Искра просто так не идёт.

Она встретила его взгляд.

— Спасибо.

И вышла.

Лифт пошёл вверх.

В кабине пахло озоном и старым металлом. Анка прислонилась к стене. Закрывает глаза. Вибрация лифта отдавалась в позвоночнике — другая, не та, что в банке. Здесь вибрация была неровной, с рывками. Тросы старые.

— Два следа, — сказала она наконец. — Подставные счета и фальшивые Марки. Кто-то бьёт по экономике с двух сторон.

— Один человек?

— Не знаю. Но фальшивки — из другой Вертикали. Это не местное производство. Это ввоз. Через контрабанду. — Она открыла глаза. — Запах чужой. Другой пластик. Ты чуял такой?

Искра помолчал. Ноздри его расширились.

— Чуял. Давно. Ещё до того, как мы нашли тетрадь.

— Где?

— В лагере контрабандистов. Когда ходили за нефтью. Был запах. Чужой пластик. Чужая химия. Я запомнил. Но тогда не придавал значения. Много запахов. Много страха.

— Вспомнишь, если снова почувешь?

— Вспомню.

Лифт остановился. Двери разошлись. Уровень четыре. Толпа, шум, запахи — пот, табак, свежий хлеб, мокрая шерсть. Жизнь.

Анка вышла в коридор. До Совета оставался час.

Она должна была успеть прочитать выписки.

Конец главы 2.

ГЛАВА 2,5. СОВЕТ ОПЕРАТОРОВ

Зал Совета на двухсотом уровне изменился.

Анка помнила его по первому разу — когда Артём привёл её сюда сразу после получения жетона. Тогда здесь было пусто и холодно. Панорамные экраны Архитектора не работали. Стены голые. Воздух — спёртый, как в склепе.

Теперь здесь был стол. Длинный, из реакторной стали, с шестью местами — пять для Операторов, одно для Хранителя. На стенах — грифельные доски с графиками. Уровень воды в резервуарах — кривая медленно ползла вниз. Пайковый индекс — полз вверх. Котировки нефти — скакали, как пульс у лихорадочного. И главное — график М2 за последние восемнадцать месяцев. Анка заметила его сразу: линия шла вверх ровно, методично, а в октябре делала резкий скачок, будто кто-то ударил по бумаге снизу.

Она вошла вместе с Артёмом и встала у стены. Не за столом — она не была Оператором. Она была агентом особых поручений, и её место было здесь: с краю, у стены, откуда видно всех.

Артём занял своё место. Левое плечо всё ещё перевязано — рана из последнего рейда заживала медленно. Рука висела на перевязи. Но сидел он прямо, и голос звучал ровно.

Пять Операторов расселись. Оператор Воды — серый, молчаливый, с въевшейся в поры химической пылью. Оператор Пищи — встревоженный, с красными от недосыпа глазами: пайковый индекс не давал спать уже третью неделю. Оператор Логистики — с чертежами под мышкой. Оператор Реактора — спокойный, как человек, который знает: пока гудит реактор, всё остальное поправимо.

Алексей вошёл последним. Хранитель Знания не опаздывал — он приходил ровно тогда, когда все занимали места. Сел во главе стола, положил перед собой папку, обвёл взглядом собравшихся.

— Начинайте. Блинов, вам слово.

Сергей Блинов поднялся из-за стола — сухой, подтянутый, в простом сером кителе без знаков различия. Он не был Оператором. Он был экономическим советником — должность, которую он сам придумал, когда Алексей спросил: «Что тебе нужно, чтобы спасти экономику?» Он ответил: «Цифры и право говорить правду». Ему дали и то, и другое.

Анка знала его по рассказам Артёма. Бывший инженер-расчётчик старой Вертикали. При Архитекторе сидел в подвале, считал энергобалансы, ни во что не вмешивался. Когда Архитектор пал, Блинов пришёл к Алексею и сказал: «У вас нет экономики. У вас есть бартер и пайка. Через полгода вы начнёте есть друг друга. Я знаю, как этого избежать». Ему не поверили. Но он доказал — цифрами, графиками, расчётами. И теперь, три года спустя, без его доклада не начинался ни один Совет.

Блинов подошёл к грифельной доске и взял мел.

— Денежная масса. — Он обвёл график на доске. — М2. Агрегат, включающий наличные Марки, остатки на счетах цехов и частных лиц, срочные депозиты и казначейские обязательства. За последний квартал М2 выросла на восемнадцать процентов.

— Это много? — спросил Оператор Пищи.

— Это не много и не мало. Это цифра. Вопрос в том, чем она обеспечена. — Блинов постучал мелом по графику. — Десять процентов прироста — плановый. Это деньги, эмитированные под тритиевый сертификат, под нефтяные фьючерсы и под будущую продукцию «Молота». Каждая эмитированная Марка обеспечена либо энергией, либо нефтью, либо металлом, либо трудом. Это — топливо для роста. Экономика растёт, потому что растёт М2. Инфляции нет, потому что реальный продукт растёт быстрее.

Он перевернул лист на доске. На обратной стороне был другой график — тот самый, с аномальным скачком.

— А вот это — не плановый прирост. Пять процентов. Триста тысяч Марок. Октябрь. Деньги влиты через подставные счета Цеха Воды. Они не обеспечены ничем. Это не топливо. Это яд.

— Инфляция? — спросил Алексей.

— Пайковый индекс вырос на четыре процента за квартал. Пока терпимо. Но если тренд сохранится — через полгода индекс пробьёт критический порог. Марка начнёт терять доверие. А доверие к деньгам — это доверие к Совету. Если Марка рухнет — рухнет всё.

Повисла пауза. Блинов положил мел на подставку — аккуратно, точно, как всё, что он делал.

— Что предлагаешь? — спросил Оператор Логистики.

— У нас классическая дилемма. — Блинов повернулся к столу. — Чтобы остановить инфляцию, ЦРБ должен повысить ставку. Это сожмёт кредитование. Кредиты станут дороже. Цеха сократят заимствования. М2 перестанет расти. Инфляция замедлится. — Он помолчал. — Но есть проблема.

— «Молот», — сказала Лена.

— Именно. Проект «Молот» требует кредитов. Длинных, дешёвых, в огромных объёмах. Если мы повысим ставку — «Молот» встанет. Если мы не повысим — инфляция съест сбережения. Мы между молотом и наковальней. В буквальном смысле.

Лена поднялась. Промасленная куртка, мазут под ногтями, чертежи в руках. Она не извинялась за свой вид. Она никогда не извинялась.

— Можно, я скажу? — Она не ждала разрешения. — Я механик. Я не понимаю ваших ставок и агрегатов. Но я понимаю вот что. — Она развернула чертежи на столе, прямо поверх чьих-то бумаг. — Погон башни. Диаметр — два метра. Допуск — ноль три миллиметра. У нас нет станка, который может такое выточить. Токарный для «Караванов» не годится — станина слабая, направляющие плывут. Нужен карусельный станок. Мы можем его построить: разо-

брать токарный, усилить станину, заменить направляющие, откалибровать. Это три месяца. И это только погон.

Она перевернула лист.

— Торсионная подвеска. Семьдесят два килограмма на миллиметр. Наша сталь не держит — лопается на испытаниях. Нужен новый сплав. Корпус Знания работает. Но плавка — это печи. Печи — это энергия. Энергия — это реактор. А реактор...

— Работает на тритии, — закончил Оператор Реактора. — Тритий есть. Энергия будет.

— Тогда нужно ещё топливная аппаратура. Форсунки. Наша солярка слишком грязная — фильтры плавятся. Нужна тонкая очистка. Центробежный сепаратор. Корпус Знания говорит — сделаем. Но это время. И деньги.

— Сколько времени? — спросил Алексей.

— Если всё пойдёт идеально — два года до первого серийного танка. Если нет — три. Если диверсия — никогда.

Алексей перевёл взгляд на Оператора Воды.

— Дмитрий Сергеевич.

Оператор Воды поднялся. Лицо его, всегда серое от химической пыли, сейчас казалось почти белым.

— Я не знаю, как это произошло. Мои люди проверяют каждую транзакцию. У нас тройной контроль. Но кто-то использовал наши счета. Подставные получатели. Цепочки переброек. Триста тысяч за три месяца. Я не виноват — но я отвечаю.

— Ответственность — это не вина, — сказал Артём. — Вину доказывают. Ответственность принимают.

— Я принимаю. — Оператор Воды опустил голову. — Я подам в отставку.

— Не сейчас, — отрезал Алексей. — Если вы уйдёте, тот, кто это сделал, будет праздновать. Останетесь. Проверите каждую транзакцию за последний год. Поможете агенту.

Он посмотрел на Анку.

— Докладывайте.

Анка вышла из тени. Не к столу — осталась у стены.

— У меня два вектора. Первый — подставные счета. Деньги уходят через Цех Воды на биржу. Маленькими траншами, раз в неделю. Кто-то накачивает М2. Второй — фальшивые Марки. Грубый пластик, неточная перфорация, сетка не синее. Произведены в другой Вертикали — у них есть станок, но нет ноу-хау. Завозят через теневой сектор. Казино, бары, вертепы. Запах чужого пластика — я запомнила.

— Два вектора, — повторил Блинов. — Внутренний и внешний. Оба быют в одну точку — пайковый индекс. Если фальшивки продолжают поступать, а подставные счета продолжают накачивать М2, мои инструменты перестанут работать. Я могу сжать кредитование ставкой. Но я не могу сжать фальшивую массу. Она неучтённая. Она невидимая. Она как вода — просачивается везде.

— Вывод? — спросил Алексей.

— Вывод простой. Пока агент не перекроет канал фальшивок, Центральный Банк будет бороться с инфляцией одной рукой, а другой — заливать пожар бензином. Это не экономика. Это война.

Алексей поднялся. Он не повысил голоса, но что-то изменилось в воздухе — будто сама комната стала меньше.

— Это и есть война. Просто враг выбрал другое оружие. — Он обвёл взглядом стол. — Поэтому мы отвечаем жёстко. С сегодняшнего дня.

Он повернулся к Артёму.

— Оператор Обороны. С этого часа — усиление на всех входах и выходах Вертикали. Патрули на нулевом уровне — удвоить. Каждый груз, каждый контейнер, каждый мешок — досмотр. Контрабанда должна быть перекрыта. Не через месяц. Сейчас.

Артём кивнул.

— Сделаем. Мне нужны люди. У меня резерв — триста человек. Этого хватит на патрули, но не хватит на рейды.

— Рейды пока отменяются. Все силы — на контроль границ.

— Принято.

Алексей повернулся к Блинову.

— Биржа. Анонимные ордера — запретить. Все сделки свыше десяти тысяч Марок — обязательная регистрация получателя. Без исключений. Регистратор Глеб будет докладывать лично вам каждую неделю. Если увидите аномалию — докладывайте мне в тот же день.

— Это замедлит торги, — заметил Блинов. — Но другого выхода нет. Я подготовлю приказ для биржи сегодня.

— Не приказ. Закон. Временный, до окончания расследования.

Он посмотрел на Анку.

— Агент. Вы идёте по следу фальшивок. Вам нужны люди?

— Мне нужен доступ к информации. Армия видит контрабандистов на границе. СБВ ведёт свои дела. Но они не делятся друг с другом. Я хочу, чтобы делились.

— Будет. — Алексей повернулся к Артёму. — С этого дня вся информация о контрабанде идёт агенту особых поручений в полном объёме. Без купюр. Без задержек.

— Принято.

— И ещё, — добавила Анка. — Мне нужен допуск к архивам СБВ. Следователь Глеб Аркадьевич блокирует запросы.

— Блокирует? — Алексей прищурился. — Почему?

— Говорит, нужна санкция Совета.

— Санкция у вас есть. — Он кивнул на стол. — Три Оператора только что проголосовали. Если Глеб Аркадьевич будет мешать следствию — он ответит. Лично передо мной.

Анка кивнула.

— Теперь — сроки, — продолжал Алексей. — Блинов, сколько у нас времени?

Блинов взял мел и подошёл к доске. Нарисовал горизонтальную линию — уровень пайкового индекса. Провёл от неё кривую вверх.

— При текущем росте — плюс четыре процента в квартал. Критический порог — двенадцать процентов годовых. Это точка невозврата: Марка теряет доверие, начинается бегство от денег, бартер, паника. Если ничего не менять — мы достигнем её через шесть-восемь месяцев.

— А если перекрыть канал фальшивок?

— Если агент перекроет канал в ближайшие два месяца — инфляция замедлится. У нас будет год-полтора. Может, два.

— Значит, у агента — два месяца. — Алексей посмотрел на Анку. — Не на всё расследование. На перекрытие канала фальшивок.

— Я поняла.

— У всех — два месяца на подготовку. Лена — у тебя два месяца на карусельный станок. Артём — два месяца на усиление границ. Блинов — два месяца на удержание ставки. Через два месяца мы снова соберёмся здесь и посмотрим, кто справился. Вопросы?

Вопросов не было.

— Заседание окончено. Все свободны. Агент — задержитесь.

Операторы начали расходиться. Лена свернула чертежи — резко, сердито, бормоча что-то про «станки, которые некому делать». Блинов собрал свои графики, аккуратно сложил в папку. Оператор Воды вышел, не поднимая головы.

Артём на секунду задержался у двери.

— Будь осторожна, — сказал он тихо.

— Я всегда осторожна.

— Нет. Ты всегда идёшь до конца. Это не одно и то же.

Он вышел.

Анка осталась наедине с Алексеем и Блиновым. Экономист задержался у доски — стирал графики, методично, не спеша.

— Ты понимаешь, что на тебе сейчас держится всё? — спросил Алексей.

— Понимаю.

— Не давит?

— Давит. — Она помолчала. — Но я справлюсь.

— Я знаю. — Алексей посмотрел на неё. — Именно поэтому я дал тебе жетон. Не за прошлые заслуги. Под будущие. Если справишься — жетон станет твоим по праву. Если нет — я заберу его обратно.

— Не заберёте.

— Посмотрим.

Блинов закончил стирать и повернулся. Без графика в руке он выглядел моложе — или, может быть, просто спокойнее.

— Агент, — сказал он. — Можно вопрос?

— Задавайте.

— Вы сказали — запах. Вы запомнили запах чужого пластика. Это метафора или...

— Это чешуйник, — ответила Анка. — Он чувствует то, что не чувствую я.

— Чешуйник. — Блинов кивнул, будто ставил галочку в уме. — Хорошо. Тогда у меня к вам просьба. Когда найдёте канал фальшивок — не перекрывайте его сразу. Дайте мне две недели.

— Зачем?

— Я хочу понять, как они это делают. Качество пластика, плотность, состав. Если я пойму технологию — я смогу модифицировать защиту Марки. Сделать её такой, которую не подделает ни один станок, кроме нашего.

— Две недели?

— Две недели. Потом перекрывайте. И ещё — будьте осторожны на бирже. С сегодняшнего дня там будет жёсткий контроль. Любая подозрительная сделка — доклад мне. Если вы ведёте кого-то через биржу — предупредите меня. Я прикрою.

— Договорились.

Блинов кивнул и вышел. Анка осталась одна в пустом Зале Совета.

Графики на досках. Кривая М2 — резкий скачок в октябре. Кривая воды — медленно вниз. Кривая пайкового индекса — вверх. И новая линия, которую Блинов нарисовал перед уходом: «Точка невозврата». Восемь месяцев. Может, меньше.

Она достала папку Брика. Открыла. Колонки цифр. Даты. Суммы. Получатели.

Два месяца на перекрытие канала. Первый след — завтра.

Она начала читать.

Конец главы 2,5.

ГЛАВА 3

Уровень семь. Коридор СБВ.

Здесь не было толпы. Не было очередей, торговцев, соискателей, спящих у стен. Коридор был пуст и чист — неестественно чист, будто грязь и хаос нижних уровней не имели сюда доступа. Стены — серый бетон, ровный, без единой трещины. Под потолком — ртутные лампы,

но светили они не синим, как в банке, а мертвенно-белым, больничным. Пахло карболкой и старой бумагой — запах, от которого у Анки сводило скулы.

Служба Безопасности Вертикали. Её ведомство. Её будущее — если она справится. И её главное препятствие — сейчас.

Искра шёл за ней, на полшага сзади. В этом коридоре его присутствие было особенно заметно: чешуйник в мире стерильных процедур, живое напоминание о том, что за стенами Вертикали дышит Запретка. Анка чувствовала его дыхание — чуть замедленное, спокойное. Он не нервничал. Он просто ждал.

Кабинет следователя находился в конце коридора. Табличка на двери: «Глеб А. Следственный отдел. Приём по записи». Анка не записывалась.

Она вошла без стука.

Кабинет был маленьким, но обставленным с претензией на комфорт, почти вызывающей в мире, где большинство спало на ржавых койках. Мягкое кресло — редкость, обитая потёртой кожей, с продавленным сиденьем. На столе — лампа с тканевым абажуром, и свет её был тёплым, жёлтым, а не ртутным — Глеб Аркадьевич достал где-то довоенную лампочку накаливания. На стене — полка с книгами: «Уголовный кодекс Вертикали», «Процедуры дознания», «Реестр преступлений за 1-й год Совета». Корешки потёртые — или читали часто, или просто старые. И фотография — Алексей Хранитель на трибуне, старый снимок, ещё с первых дней после Падения. Висит на видном месте. Демонстрация лояльности. Или щит.

На краю стола стояла пепельница — тяжёлая, стеклянная, довоенная. В ней громоздилась гора окурков. Анка насчитала шесть. Седьмой дымился, придавленный к краю. Табак был дешёвым, с примесью грибного волокна — такой курили на нижних уровнях. Запах въелся в бумаги, в шторы, в сам воздух. Искра запомнит.

Глеб Аркадьевич сидел за столом. Он был полон — редкость в Вертикали, где пайки нормированы. Лицо одутловатое, с мешками под глазами. Пальцы толстые, в перстнях — один золотой, с печаткой, другой серебряный, с тусклым камнем. Китель СБВ был тесноват — пуговицы натянуты на животе. Пахло от него одеколоном и перегаром — смесь, которая должна была означать «я чист», но означала обратное.

Он поднял глаза. Медленно, с ленцой, будто каждое движение требовало усилий.

— Агент, — произнёс он. — Без стука. Без записи. Вы, кажется, путаете СБВ с биржей.

Анка не ответила. Она села без приглашения. Стул был жёстким — Глеб Аркадьевич не предлагал гостям кресла. Металлический край врезался в бёдра. Она не пошевелилась. Правая рука сама скользнула к поясу, пальцы коснулись жетона через ткань куртки. Холодный металл. Она задержала пальцы на секунду — и убрала руку.

— Мне нужен доступ к архивам.

— Архивы — это не лавка. Архивы — это процедура. — Он откинулся в кресле, и оно жалобно скрипнуло — звук резанул по нервам. Анка услышала, как под обивкой хрустнула пружина. — Запрос. Обоснование. Санкция Совета. Вы подали запрос?

— Подала. Три дня назад. Ответа нет.

— Значит, запрос рассматривается. — Он развёл руками. Пуговицы на животе натянулись ещё сильнее. — У нас очередь. У всех очередь. Вы не одна такая.

— У меня санкция Совета.

Она положила на стол бумагу. Стол был завален папками — некоторые пожелтели от времени, другие были свежими, с ещё влажными чернилами. Анка заметила край какой-то ведомости, торчащий из-под стопки, — цифры, много цифр. Пальцы сжались на подлокотнике. Она заставила себя не всматриваться.

Глеб Аркадьевич взял санкцию. Поднёс близко к глазам — дальнзоркость, или просто тянул время. Золотой перстень блеснул в свете лампы. Анка смотрела на его руки — толстые, с обкусанными ногтями. Странная деталь для человека, который следит за внешностью.

Он читал долго. Слышно было, как тикают часы на стене — старые, механические, с боем. Тик-так. Тик-так. Анка считала удары. Пятнадцать. Шестнадцать.

Наконец он положил бумагу на стол и пододвинул обратно.

— Санкция действительна. Но есть нюанс.

— Какой?

— Архивы СБВ содержат информацию, доступ к которой регулируется не только Хранителем, но и внутренними протоколами. — Он говорил медленно, смакуя каждое слово, как леденец. — Я должен проверить ваш допуск. Вашу квалификацию. Ваш опыт. У вас есть опыт?

— Это моё первое дело.

— Вот видите. — Он улыбнулся. Улыбка была неприятной — влажной, как будто он только что облизал губы. — Первое дело — и сразу к архивам. Архивы — это серьёзно. Там имена информаторов. Там материалы текущих расследований. Туда нельзя пускать... новичков.

Анка молчала. Тик-так. Тик-так. Она чувствовала, как напрягаются мышцы шеи — медленно, от основания черепа к плечам. Она заставила плечи опуститься. Расслабила пальцы, сжимавшие подлокотник.

— У меня жетон Хранителя.

— Жетон — это доступ к тайнам Вертикали. Но тайны Вертикали и тайны СБВ — не всегда одно и то же. — Он наклонился вперёд, и кресло снова скрипнуло, уже громче. Анка уловила запах изо рта — кислый, с примесью табака. — Послушайте, агент. Я понимаю ваше рвение. Вы молоды, вы хотите доказать. Но в нашей работе главное — не скорость. Главное — процедура. Если я пушу вас в архивы без проверки, а вы что-то испортите — отвечать буду я. Вы этого хотите?

Тик-так.

Анка смотрела на него. Он не врал — Искра бы сказал. Но он не был честен. Он был скользким. Он использовал процедуры не для защиты, а как оружие. Пепельница, полная окурков. Запах перегара под одеколоном. Перстни на толстых пальцах. Человек, который привык брать.

— Сколько времени займёт проверка?

— Месяц. Может, два. — Он снова развёл руками. — У нас очередь.

— У меня нет месяца. У меня два месяца на всё расследование.

— Это не моя проблема. — Он перестал улыбаться. Лицо его стало жёстким, и Анка впервые увидела под слоем жира что-то опасное. — Это ваша проблема. Вы пришли в СБВ без опыта, без подготовки, с одним жетоном и санкцией. А здесь работают профессионалы. У нас свои правила. И вы будете их соблюдать.

Тик-так.

Анка поднялась. Медленно. Положила ладони на край стола — холодное дерево, поцарапанное, с чернильными пятнами. Она чувствовала каждую царапину подушечками пальцев.

— Я буду их соблюдать. Но я также буду докладывать Хранителю о каждом случае блокировки. Лично.

Глеб Аркадьевич побледнел. Слегка — кровь отлила от щёк, и мешки под глазами стали заметнее. Перстни блеснули, когда он сжал пальцы в кулак. Пепельница дрогнула — окурочек скатился на стол, рассыпая пепел по бумагам.

— Это ваше право, агент. Угрожать.

— Это не угроза. Это процедура.

Она повернулась и вышла.

В коридоре Искра ждал у стены. Анка остановилась, прислонилась к холодному бетону. Закрывает глаза. Сосчитала до пяти. Открыла.

— Он врал? — спросила она.

— Нет. Но он боится. Сильно. Когда ты сказала про Хранителя — запах страха стал гуще. Как масло. Густое, тяжёлое. — Искра помедлил. — И ещё. От него пахнет тем же, чем от фальшивки.

Анка оттолкнулась от стены.

— Чем?

— Старой бумагой. Лекарствами. Табаком. — Чешуйник посмотрел на неё жёлтыми глазами. — Это не тот запах, который был в лагере. Тот был... другой. Но этот — тоже знакомый. Я уже чуял его. Где-то здесь. В Вертикали.

— В кабинетах? На бирже?

— Не помню. Много запахов. Но я запомнил. — Он повернул голову в сторону кабинета Глеба. — Если встречу ещё раз — узнаю.

Анка кивнула. Глеб Аркадьевич не предатель — он трус. Но трусость пахнет так же, как предательство. Старой бумагой, лекарствами, табаком. Кто-то запугал его. Или купил. И этот кто-то оставляет следы — не только в банковских выписках, но и в воздухе. В пепельнице на краю стола. В запахе перегара под одеколоном.

— Значит, он не сам по себе, — сказала она. — За ним стоит кто-то ещё.

— Да. Кто-то, кто пахнет страхом и бумагой.

— Найдём.

Она вышла из коридора СБВ на уровень семь. В лицо пахнуло жизнью — пот, табак, свежий хлеб, мокрая шерсть. Толпа текла сплошным потоком. Пятьдесят тысяч жизней, и каждая зависела от того, найдёт ли она предателя.

Два месяца. Первый след — завтра.

— Пошли, — сказала она. — Готовим внедрение.

— Куда сначала?

— В «Улей».

Конец главы 3.

ГЛАВА 4

Подготовка началась за час до спуска.

Анка сидела в своей квартире на пятом уровне. Ртутная лампа горела вполнакала — она специально приглушила свет, чтобы глаза привыкли к полумраку нижних уровней. На столе лежали четыре металла. Рядом — книга «Криминалистика», открытая на главе «Наружное наблюдение и изменение внешности». И отдельно — мягкая одежда соискательницы: штопаная куртка из грубого волокна, штаны с заплатами на коленях, стоптанные ботинки. Чужие вещи. Чужая жизнь.

Она стянула с себя куртку агента. Кобуру с ПСМ сняла и спрятала в тайник под половицей — на нижние уровни с оружием не ходят, там оружие не защита, а повод для драки. Нож — другое дело. Маленький, плоский, в рукаве. Нож — это инструмент, а инструмент не вызывает подозрений.

Она надела чужую одежду. Ткань пахла плесенью и дешёвым щёлоком. Анка потёрла рукав о рукав — запах въедался в кожу. Это было правильно. Агент должен пахнуть средой, иначе среда его отторгнет.

Она подошла к мутному зеркалу на стене. Из зеркала смотрела не Анка. Из зеркала смотрела соискательница — затравленная, усталая, с серым лицом. Анка опустила плечи, ссутулилась. Марта учила: «Плечи — это статус. У агента плечи прямые. У соискательницы — сломанные. У проститутки — усталые, но не сломанные. Она ещё надеется. Если убрать надежду — получится труп. Трупов не выбирают». Анка оставила в плечах ровно столько напряжения, сколько нужно, чтобы выглядеть усталой, но не мёртвой.

Она сделала шаг — не свой, чужой. Тяжёлый, враскачку, будто ноги не слушаются после двенадцатичасовой смены. Ещё шаг. Ещё. Тело запоминало. Мышцы принимали чужую походку как свою.

В дверь постучали — два коротких, один длинный.

— Открыто.

Искра вошёл и замер на пороге. Ноздри его расширились. Он обошёл Анку по кругу, припнувшись, и мембраны на глазах подрагивали в такт дыханию.

— Плечи другие. Запах другой. Походка... — он помедлил. — Почти. Но глаза.

— Глаза не могу.

— Тогда не смотри в глаза. Смотри в пол. Соискатели смотрят в пол. Или в стену. Или в потолок. Куда угодно, только не в глаза.

— Запомнила.

— Я буду ждать на нулевом. У лифта. Если что — зови. Я почую.

— Ты не идёшь со мной.

Искра замер.

— Почему?

— Потому что чешуйник в борделе — это как сирена в тишине. Тебя вычислят раньше, чем я успею войти. Ты — моя страховка, Искра. Страховка не лезет в огонь. Страховка ждёт снаружи.

Он молчал. Потом кивнул — коротко, резко.

— Я буду ждать. Но если запахнет кровью...

— Позову. Обещаю.

Она вышла в коридор. Искра остался стоять у двери, провожая её взглядом жёлтых глаз.

Нижние уровни начинались с четвёртого, но по-настоящему нижними они становились только к минус первому. Толпа редела. Свет тускнел. Воздух тяжелел, напиваясь запахами, которых не было наверху: плесень, ржавчина, дешёвое пойло, моча, отчаяние. Анка шла, опустив плечи и глядя в пол. Она больше не была агентом. Она была соискательницей — ещё одной из тысяч, кто пришёл в Вертикаль за надеждой и осел на нижних уровнях, потому что надежда кончилась, а жизнь — нет.

«Улей» находился на минус третьем, в бывшей насосной станции. Вывески не было — только ржавая дверь с намалёванной жёлтой полосой, стёршейся от тысяч прикосновений. За дверью гудела музыка — механическое пианино, расстроенное, с проваленными клавишами. Оно играло одну и ту же мелодию по кругу, и мелодия эта была такой же истёртой, как жёлтая полоса на двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.